



## Пресса о романе Исабель Альенде «Виолета»

Уже 40 лет чилийско-американская писательница Исабель Альенде погружает читателей в свои бесконечно изобретательные повествования, зачастую вдохновленные ее собственной историей или историей Южной Америки... Проза Альенде искрится и увлекает; «Виолета» — трогательное исследование боли и свободы аутсайдера.

*New Statesman*

На каждом повороте случается драма, а на заднем плане целый континент смертоносным маятником раскачивается между коммунизмом и фашизмом. Головокружительный роман о том, насколько человеческая жизнь отдана на милость Истории.

*Daily Mail*

Захватывающий, прочувствованный и убедительный роман подлинного мастера о долгой и прекрасно прожитой жизни. Здесь есть две пандемии, пылкие любви, бедность — ни один поклонник жанра исторического романа не может пропустить эту книгу.

*Country & Townhouse*

Волшебные персонажи встречаются волей обстоятельств и желаний, а их судьбу вершат политические потрясения. Вот так и надо рассказывать истории.

*Woman & Home*

История жизни Виолеты, этот великолепный эпик, охватывает весь XX век... Увлекательно от первого до последнего слова.

*The Daily Telegraph*

«Виолета» полна жизни — эта блестящая увлекательная история течет полноводной рекой.

*The Scotsman*

События у Альенде мчатся галопом, стремительно и ритмично.

*Financial Times*

У Альенде восхитительные старики — когда старость пригибает человека к земле, приключения вовсе не заканчиваются.

*i paper*

Tell me, what is it you plan to do  
with your one wild and precious life?

*Mary Oliver. The Summer Day<sup>1</sup>*

---

<sup>1</sup> Скажи мне, что ты собираешься делать  
со своей единственной дикой и драгоценной жизнью?  
Мэри Оливер. Летний день (*англ.*). — *Здесь и далее примеч. перев.*

Дорогой Камило!

Эти страницы — мое духовное завещание. В будущем, когда ты состаришься и обо мне вспомнишь, память может тебе изменить, ты уже и сейчас забывчив, а с возрастом этот недостаток только усугубится. Моя жизнь достойна того, чтобы о ней рассказать, и интересна она не столько моими добродетелями, сколько грехами, о большинстве которых ты даже не догадываешься. Часть из них я изложу здесь. Сам увидишь: моя жизнь — настоящий роман.

У тебя хранятся мои письма, где описано все мое земное существование, за исключением вышеупомянутых грехов, но, прошу тебя, сдержи слово и сожги их после моей смерти, они излишне сентиментальны и часто злобны. Мое жизнеописание заменит все эти избыточные излияния.

Люблю тебя больше, чем всех остальных.

Виолета  
*Санта-Клара, сентябрь 2020 года*

Часть первая

# **ИЗГНАНИЕ**

(1920–1940)

# 1

Я родилась в ураганную пятницу 1920 года, когда в мире свирепствовал мор. В день моего рождения электричество отключили, как обычно бывало во время бури, в доме зажгли свечи и керосиновые лампы, которые всегда держали под рукой на всякий случай. Мария Грасия, моя мать, почувствовала спазмы, значение которых отлично знала — к тому времени она родила уже пятерых, — и послушно отдалась во власть страданий, заранее смирившись с тем, что произведет на свет еще одного мальчика. Роды принимали две ее сестры, которые не первый раз помогали ей в этом деле и знали что и как. Семейный врач неделю напролет трудился в одном из полевых госпиталей, и сочли неразумным вызывать его для такого заурядного события, как роды. Раньше на помощь приходила акушерка, всегда одна и та же, но она оказалась среди первых жертв гриппа, а где взять другую, они не знали.

Матери представлялось, что она всю свою сознательную жизнь ходила беременная, оправлялась от недавних родов или приходила в себя после очередного выкидыша. Ее старшему сыну, Хосе Антонио, исполнилось семнадцать, его возраст она помнила, потому что он родился в год одного из наших самых страшных землетрясений, в результате которого обрушилось полстраны и погибли

тысячи человек, но не помнила точно, сколько лет другим сыновьям и сколько беременностей завершилось ничем. Каждая выводила ее из строя на несколько месяцев, а каждый новый ребенок на долгое время изнурял ее и погружал в меланхолию. До замужества она была самой красивой невестой в столице, стройной, с незабываемым лицом, зелеными глазами и полупрозрачной кожей, но бесконечные беременности и роды изуродовали тело и истошили дух.

Теоретически она любила своих детей, но на практике предпочитала держать их на безопасном расстоянии — энергия этой банды неизменно вызывала смуту в ее маленьком женском королевстве. Однажды она призналась исповеднику, что удел рожать одних мальчишек — дьявольское проклятие. На нее наложили епитимью, которая заключалась в ежедневном чтении молитв Деве Марии в течение двух лет и крупном пожертвовании на ремонт церкви. После этого муж запретил ей исповедоваться.

Под присмотром тетушки Пилар мальчишка по имени Торито, нанятый для всякой работы, забрался на лестницу и привязал веревки, хранившиеся в шкафу для подобных случаев, к двум стальным крюкам, которые сам же вбил в потолок. Моя мать, в ночной рубашке, стоя на коленях и уцепившись обеими руками за веревки, тужилась, как ей показалось, целую вечность, изрыгая ругательства, приставшие скорее пирату, каких в иных обстоятельствах никогда себе не позволяла. Тетушка Пия расположилась между ее ногами, готовая подхватить новорожденного, чтобы он не упал на пол. Она заранее заварила крапиву, полынь и руту, чтобы обмыть младенца. Грохот бури, сотрясавшей ставни и срывающей с крыши черепицу, заглушил стоны и протяжный последний крик, когда показалась сначала моя головка, а затем покрытое слизью и кро-



вью тело выскользнуло из тетушкиных рук и шлепнулось на деревянные доски.

— Какая ты неуклюжая, Пия! — воскликнула тетушка Пилар, поднимая меня за ногу. — Да это девочка! — удивленно добавила она.

— Не может быть, проверь хорошенько, — пробормотала измученная мама.

— Говорю тебе, сестренка, писуна нет, — возразила тетя.

В тот вечер отец поздно вернулся домой после ужина в клубе и нескольких партий в бриск и прошел прямо к себе, чтобы переодеться и обтереться спиртом и только потом предстать перед семейством. Он потребовал рюмку коньяка у дежурной прислуги, которой в голову не пришло рассказать ему новость — разговаривать с хозяином она не привыкла, — и отправился к жене. Ржавый запах крови сообщил ему о случившемся еще до того, как он переступил порог. Мама отдыхала в постели, раскрасневшаяся, в чистой рубашке, с влажными от пота волосами. С потолка уже сняли веревки и вынесли ведра с грязным тряпьем.

— Почему меня не предупредили! — воскликнул отец, поцеловав жену в лоб.

— Как ты себе это представляешь? Шофер уехал с тобой, и никто не осмелился бы идти пешком в такую бурю, даже если бы твои вооруженные головорезы нас выпустили, — недобрый тоном возразила Пилар.

— Это девочка, Арсенио. Наконец-то у тебя появилась дочь, — перебила ее Пия, показывая отцу сверток, лежавший у нее на руках.

— Благословен Бог! — пробормотал отец, но улыбка его стерлась при виде существа, выглядывающего из складок шали. — Да у нее шишка на лбу!

— Ничего страшного. Дети часто рождаются с такой головой, через несколько дней все проходит. Это признак интеллекта, — на ходу сочинила Пилар, чтобы не признаваться, что его дочь вошла в этот мир головой об пол.

— Как вы ее назовете? — спросила тетушка Пия.

— Виолета, — твердо сказала мама, не давая мужу времени вставить слово.

Это было благородное имя маминой прабабки, которая вышивала герб на первом флаге Независимости в начале XIX века.

Пандемия не застала мою семью врасплох. Как только пронесся слух об умирающих, которые ползали по улицам возле порта, а также растущем числе посиневших тел, скопившихся в морге, мой отец Арсенио дель Валье прикинул, что через каких-нибудь пару дней мор доберется и до столицы, но не утратил присутствия духа, потому что ожидал его заранее. Он готовился к этому событию с быстротой, свойственной ему во всех начинаниях и весьма полезной в делах и зарабатывании денег. Он единственный среди братьев был на полпути к тому, чтобы вернуть себе все привилегии богатого человека. Мой прадед обладал ими вполне, а дед унаследовал, но постепенно растерял, поскольку родил множество детей и был слишком честен. Из пятнадцати отпрысков, которые родились у деда, в живых осталось одиннадцать — немалое число, доказывавшее жизнестойкость дель Валье, как хвастался мой отец, однако содержание столь многочисленной семьи требует усилий и средств, вот состояние и рассеялось.

Прежде чем пресса окрестила болезнь ее нынешним именем, отец уже был в курсе, что это испанский грипп. О мировых новостях он узнавал из иностранных газет, ко-

торые поступали в Союзный клуб с опозданием, но содержали больше информации, чем местные, а также из радиоприемника, который собрал собственными руками по инструкции и благодаря которому поддерживал связь с другими радиолюбителями. Сквозь хрипы и визги коротковолновой связи он узнал о разрушительных последствиях пандемии в других странах. За вирусом он следил с самого начала, знал о его молниеносном распространении по Европе и Соединенным Штатам и пришел к выводу, что если его последствия так трагичны в цивилизованных странах, можно себе представить, что́ будет в нашей стране, где ресурсы ограничены, а люди более невежественны.

Испанский грипп, для краткости прозванный «испанкой», пришел к нам почти на два года позже. По мнению научного сообщества, мы избегали заразы благодаря географической изоляции, естественной преграде в виде гор с одной стороны и океана — с другой, благодатному климату и удаленности, которая защищала нас от торговли с зараженными странами и нежелательного появления зараженных чужестранцев, но общественное мнение приписывало это вмешательству падре Хуана Кироги, которому посвящали торжественные процессии. Это единственный святой, которого имеет смысл почитать, хотя Ватикан его не канонизировал — никто не сравнится с ним в вопросах бытовых чудес. Тем не менее в 1920 году вирус пожаловал к нам во всей своей славе и величии и принялся распространяться быстрее, чем кто-либо мог себе представить, разрушив все научные и теологические теории.

Болезнь начиналась с ледяного озноба, который ничто не могло унять, сотрясающей лихорадки, убийственной головной боли, жгучей рези в глазах и горле, бреда с пугающими видениями смерти, притаившейся в полу-



метре. Кожа приобретала синюшный оттенок, который становился все темнее, ноги и руки чернели, кашель не давал дышать, кровавая пена забивала легкие, жертва хрипела от удушья, пока наконец не выпускала в мучениях дух. Счастливики умирали быстро.

Отец небезосновательно полагал, что в Европе от испанки полегло больше солдат, не имевших возможности избежать заражения в переполненных окопах, чем от пуль и горчичного газа. Вирус с одинаковой яростью опустошал Соединенные Штаты и Мексику, а затем распространился в Южной Америке. В газетах писали, что в других странах трупы валялись на улицах, как дрова, потому что не было ни времени, ни места на кладбищах, чтобы их похоронить, что заражена треть населения земли и жертвами стало более пятидесяти миллионов человек, однако новости были столь же противоречивы, как и ужасающие слухи. Восемнадцать месяцев назад было подписано перемирие, положившее конец четырем ужасным годам Великой войны, потрясшей Европу, и только сейчас стали известны реальные масштабы пандемии, которые утаивала военная цензура. Ни одна страна не призналась в количестве жертв; только Испания, сохранявшая в конфликте нейтралитет, сообщала новости о болезни, которую в конечном итоге назвали «испанским гриппом».

Раньше люди в нашей стране отправлялись к праотцам по обычным причинам: безнадежная нищета, порочная жизнь, ссоры, несчастные случаи, зараженная вода, тиф или просто старость. Это был естественный процесс, дающий время для достойного погребения, но из-за звериной прозорливости испанки приходилось довольствоваться минимумом — без последней исповеди и погребальных обрядов.

Первые случаи были зафиксированы в конце осени в портовых борделях, но никто, кроме отца, не обратил на

них должного внимания, поскольку жертвами становились женщины сомнительного поведения, преступники и торговцы. Говорили, что это особое венерическое заболевание, завезенное из Индонезии заходившими в порт моряками. Однако очень скоро стало невозможно скрывать масштаб бедствия и больше нельзя было винить в нем распущенность и порочную жизнь; зло отныне не делало различия между грехом и добродетелью. Вирус перехитрил падре Кирогу и бродил на свободе, безжалостно нападая на детей и стариков, бедных и богатых. Когда же заболела труппа главного театра в полном составе и несколько членов конгресса, газеты объявили апокалипсис, а правительство наконец решило закрыть границы и взять под контроль порты. Но было уже поздно.

Не помогли ни торжественные мессы, ни мешочки с камфарой, повешенные на шею для защиты от заразы. Наступившая зима и первые ливни усугубили ситуацию. Пришлось поспешно создавать полевые госпитали на футбольных полях, морги в холодильниках городской скотобойни, копать братские могилы, куда складывали трупы бедняков, пересыпая негашеной известью. Поскольку было известно, что болезнь попадает через нос и рот, а не заносится в кровь комарами или в кишечник глистами, как полагали некоторые умники, всех обязали носить маски, но их не хватало даже для медицинского персонала, который боролся со злом в первых рядах, — что уж говорить об остальном населении.

Президент страны, сын итальянских иммигрантов в первом поколении и сторонник прогрессивных идей, был избран несколькими месяцами ранее голосованием только-только сложившегося среднего класса и рабочих профсоюзов. Мой отец, как и прочие дель Валье, а также их друзья и знакомые, недоверчиво относился к новому президенту из-за реформ, которые тот собирался ввести,

к неудовольствию консерваторов; отец видел в нем выскочку, не принадлежавшего ни к одной из старых, уважаемых кастильских или баскских семей, но тем не менее уважал за меры, которые тот принял в ожидании катастрофы. Первым делом был отдан приказ запереться в домах, чтобы не допустить заражения, но, поскольку приказу никто не следовал, президент объявил чрезвычайное положение, комендантский час, а заодно запретил гражданскому населению передвигаться без уважительной причины под угрозой штрафа, ареста и во многих случаях телесного наказания.

Школы, магазины, парки и другие места, где обычно собирались люди, были закрыты, но некоторые государственные учреждения, банки, грузовики и поезда, снабжавшие города товарами и продуктами, а также винные лавки продолжали функционировать: алкоголь с большими дозами аспирина якобы убивал вредоносных микробов. Никто не вел счет мертвецам, отравленным этим пойлом, как заметила тетушка Пия, которая спиртного в рот не брала, к тому же не верила в силу лекарств. Полиция не могла обеспечить послушание и предотвратить преступность, чего отец и опасался, в итоге улицы патрулировали солдаты, за которыми водилась заслуженная репутация негодяев. Это вызвало тревогу в оппозиционных партиях, среди интеллигенции и людей искусства, они не могли забыть о совершенных армией несколько лет назад массовых убийствах безоружных рабочих, среди которых были женщины и дети, и обо всех остальных случаях, когда солдаты пускали в ход штыки против собственного гражданского населения, словно перед ними враждебные иностранцы.

Святылище падре Хуана Кироги было заполнено верующими в поисках исцеления от гриппа, и частенько его получавшими, но неверующие, которых всегда в избытке,



утверждали, что раз у больного хватает сил одолеть тридцать две ступеньки, ведущие в часовню на холме Сан-Педро, то он, считай, уже здоров. Верующих это не смущало. Несмотря на то что публичные собрания были запрещены, сама собою собралась целая толпа во главе с двумя епископами, но подоспевшие солдаты разогнали ее прикладами и выстрелами. Менее чем за пятнадцать минут были убиты двое и ранены шестьдесят три человека, один из которых скончался в ту же ночь. Официальный протест епископов был проигнорирован президентом, который не принял прелатов в своем кабинете и письменно ответил через секретаря, что «к тому, кто ослушается закона, применяют самые жесткие меры, будь он хоть папа римский». Ни у кого не осталось желания повторять паломничество.

В нашей семье заразившихся не было: отец еще до того, как вмешалось правительство, принял необходимые меры предосторожности, взяв на вооружение опыт других стран по борьбе с пандемией. Он связался по радию с бригадиром своей лесопилки — хорватским иммигрантом, которому полностью доверял, — и тот прислал ему с юга двоих своих лучших лесорубов. Отец вооружил их винтовками, настолько древними, что он сам не умел ими пользоваться, поставил по одному у каждого въезда в поместье и поручил караулить ворота, чтобы никто не входил и не выходил, кроме него самого и моего старшего брата. Это был не слишком практичный приказ, никто не собирался задерживать членов семьи с помощью оружия, но присутствие этих людей отпугивало грабителей. Лесорубы, с вечера до утра превращавшиеся в вооруженных охранников, в дом не входили; они спали на тюфяках в каретном сарае, питались стряпней, которую кухарка пере-

давала им через окно, и пили убойный самогон, которым отец снабжал их в неограниченных количествах вместе с горстями аспирина, чтобы защитить от инфекции.

Для собственной защиты отец купил испытанный на войне английский контрабандный револьвер Уэбли и принялся палить во дворе по мишеням, пугая кур. На самом деле боялся он не столько вируса, сколько отчаявшихся людей. В обычное время в городе было полно попрошайек, нищих и воров. Затянувшаяся пандемия привела бы к росту безработицы, нехватке продовольствия и панике, а в этом случае даже относительно честные люди, которые до тех пор всего лишь протестовали перед Конгрессом, требуя работы и справедливости, превратились бы в преступников, как в те времена, когда безработные шахтеры с севера, голодные и озлобленные, ринулись в город и принесли с собой тиф.

Отец запасся провизией на зиму: закупил мешки с картофелем, мукой и сахаром, масло, рис и бобовые, орехи, связки чеснока, сушеное мясо и ящики с фруктами и овощами для приготовления консервов. Четверых своих сыновей, младшему из которых едва исполнилось двенадцать, отправил на юг, не дожидаясь, пока школа Сан-Игнасио, повинувшись указу правительства, отменит занятия, но Хосе Антонио остался в столице, потому что собирался поступать в университет, как только жизнь вернется в прежнее русло. Междугородное сообщение было приостановлено, но братья успели на один из последних пассажирских поездов до Сан-Бартоломе, где на станции их поджидал хорват Марко Кусанович, бригадир, который по указанию отца заставит их трудиться плечом к плечу с местными лесорубами. Детские игры кончились. На лесопилке мальчики будут при деле, останутся здоровыми, а дома без них будет больше порядка.